

Светлана Борзунова

Светлана Борзунова работает в региональном приложении «Комсомольской правды». Член Союза писателей России. Автор четырех книжек стихов. Сейчас готовится к выходу в свет ее пятый сборник, и он будет очень кстати, потому что в этом году Светлана отмечает свой первый юбилей. С чем мы ее и поздравляем.

Стихи Светланы Борзуновой печатались в альманахе «Приамурье» за 1994 и 2000 годы.

***

Все пройдет: и тщеславье, и гордость
под обыденным грузом невзгод.
Лишь любви еле слышимый голос
через годы тебя позовет.
Все пройдет и назад не вернется.
Ляжет снег, установится лед.
Но любовь, уходя, обернется
и озябшей ладошкой махнет.

***

Жизнь кончена, но тянется еще.
Туманно небо, пасмурно и мглисто.
На сцене чайльд-гарольдовым плащом
уныло машут вялые статисты.
Пытаемся друг другу подыграть,
мечаь по сцене вместе или розно.
А всем взмолиться следует, пора,
чтоб занавес упал не слишком поздно.

***

От унижения устав, еще надеясь
(когда-то выбитый сустав болит сильнее),
ползем на корточках (увы!) к святому храму
(а нам запеть, а нам завуть про нашу драму).
Ползем – о милости просить (а это надо?),
пусть воцарится на Руси святая радость.
И ты умрешь, и я умру ... В ответ – простое:
а может, брать тебя в игру совсем не стоит?

***

Самое главное в мире – сентябрь.
Таинство листьев, до срока опавших.
Шепот дождей, ни на что намекавших,
луж твоих чистых бегущая рябь.
Самое главное в мире – апрель.
Почек созревших божественный запах,
поступь весны на пружинистых лапах,
пестрых и жадных лучей канитель.
Самое главное в мире – конец.
Самое главное в мире – начало.
А в середине я вечно скучала.
Крайности, крайности – смысл для сердец.

***

Никакого волшебства.
Просто ель, на ветке шарик.
Жалкий крохотный фонарик.
Ты не жив. И я мертва.
Мы проспали Новый год,
и растрчены впустую
вослицанья, поцелуи,
мед любви и счастья мед.
Лучше утром не глядеть
на оплавленные свечи.
Сотни лет до-после встречи.
Не успели. Не успеть...

***

Опустись, кленовый лист,
на ладошку – пятипалый!
Здравствуй, я тебя искала.
Повстречались. Дождались.
Хочешь, руку мне пожми.
Мы с тобой родня от века.
Хочешь, станешь человеком,
будем взрослыми людьми.
Видишь, осень на дворе.
Мы с тобою будем двое.
Я в тепле тебя укурю,
в чистом новом букваре.
Навсегда отныне впредь
будут жить твои узоры
рядом с девочкой, которой
никогда не постареть.

***

А ты, моя любовь,
жила темно и скудно.
И выносила судно,
И унимала кровь.
Но это было – жизнь!
Пульсировало в жилах.
Плевать, что не сложилось.
Все сложится. Держись!

***

Хорошо, что в доме тишина.
Тихий кот пройдет на мягких лапах.
Елки неосыпавшейся запах
и в окне двурога луна.
За окошком ветер замолчит,
а потом не выдержит и вззоет.
Потому что не одна, а двое
могут к счастью подобрать ключи.
Я тебя руками обйму:
раньше почему меня не встретил?
Вечно позади маячит третий,
и не будет счастья никому.

***

Пришел и нес ерунду.
Я чай подала: сиди.
Насупись: я уйду.
Сказала: валяй, иди.
Вздохнула: как хорошо,
никто не мозолит глаз.
...А если б ты не пришел,
я просто бы умерла.

***

«Зачем собаки воют на луну...»
С. Борзунова.

Уж эту песню я спою!
Проплачу, прорыдаю, взвою!

АМУРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н.Н. Мусыльевича-Амурского

934399

Сто лет назад нас было двое,
но я проспала жизнь мою.
И ты с другой, и я с другим,
и оба мы позорно нищи.
Тяжелый низкий едкий дым
плывет над нашим пепелищем.
Я до рассвета не засну.
Печаль судьбы струится немо.
Собаки воют на луну...
Перестрелять! И все проблемы.

* * *

Незримые птицы кричат по ночам.
Колотятся волны о ветхий причал.
И пеной заходится пристань.
И месяц мигает, почуя беду.
На этот причал я с тобой не приду
отныне, вовеки и присно.
А помнишь, божились?
А помнишь, клялись?
Что вместе до гроба всю длинную жизнь –
и жили и умерли вместе.
Греховны и смертны, безмерно слабы,
смогли бы мы разве избежать судьбы
и выполнить клятвы по чести?
Останутся птицы, останется ночь.
Ни мне, ни тебе невозможно помочь,
печаль поливая елеем.
Не плачь и обратно меня не зови.
Все будет как есть, кроме нашей любви.
И даже причал уцелеет.

* * *

А сердце залито дождем,
а разум пуст, как день вчерашний.
И ничего уже не страшно,
и ничего уже не ждем.
Но ежегодно – как закон –
плывет над Тихим океаном
неразличимый слухом звон,
струится сладостным дурманом.
И – ничего не решено.
Все будет так, как ты захочешь.
Любви бессмертный колокольчик
звенит в открытое окно.

* * *
А было – как ожог.
По сердцу сладкой болью.
И падал снег-снежок.
И все звалось любовью.
И месяц плавал, сед,
на небе бледно-синем.
Классический сюжет.
Америка – Россия.

* * *

Октябрь завесу туч откинет ненароком
на самый краткий миг – и выплывут из мглы
две слабые души, в руках слепого рока
несовершенны, но божественно светлы.
Не все ли нам равно: Россия или Штаты?
Мелодия поет и вечно будет петь.
И снова я и ты ни в чем не виноваты.
И все, что нам грозит, – от счастья умереть.

* * *

По имени любовь окликну. Отзовется
щемящая печаль, томящая тоска.
Уже не подфартит, уже не обойдется,
уже не просвистит стрелой у виска.
Уже вопьется в плоть, уже насквозь пронизает
и кровью просквозит средь воспаленных трав.
О, мы с тобой близки, что не бывает ближе.
Но кто из нас двоих был все-таки не прав?

И кто из нас кого не понял или предал,
и чей там прах летит золою на ветру.
Не все ль теперь равно, кто празднует победу?
Держись, не умирай! Я тоже не умру.

* * *

После смерти,
к счастью ли, к сожалению,
ничего интересного не случится.
Включат в комнатах отопление,
к форточке за кормом прилетит синица.
Да, зима принарядит погосты в белое.
Но январский ветер не будет ласков.
Оборвет венки и делов наделает,
с наших свежих крестов обдирая краску.
А весною
весенний ветер подует, но
так, как дул столетиями, поверьте.
Не тоскуйте о жизни, пустой и суетной.
Ничего не бывает
важнее смерти.

* * *

Роскошный июль мне сполна возвращает долги.
За все октябри, ноябри, декабри и апрели.
Всю музыку лета – за песни, что мне не пропели,
всю сладость и нежность – за то, что любили других.
«Неправда, не верь! Все мы вечно любили тебя
и только тебя, даже если тебя предавали.
Стремилась к тебе, без тебя умирали, любя...»
Но я отвечаю: едва ли, едва ли, едва ли...

* * *

Заново попробуем, почему бы нет?
За семью сугробами брезжит вешний свет.
За седыми елями отсвет голубой.
В юности хотели мы жизнь прожить с тобой.
Вместе жить до старости, вместе умереть.
Заплутали в зарослях, душу не согреть.
Только свет из прошлого мягко брезжит вновь.
Протяни ладошку мне, первая любовь.
Что бы мне тебе еще нежного сказать?
На лице стареющем юные глаза.

* * *

Мои журавли приземлились в соседнем саду.
Да сад и не сад: так – три сотки участок и баня.
Да рядом лесок – очень ловко ходить за грибами.
Отвыкла я ждать. И сегодня удачи не жду.
Ты ловко придумал, в тазу разводить костерок.
Не падают искры на грядки с фасолью и луком.
Ну что ж, посидим над огнем пред последней
разлукой.
Нам порознь идти. Да и путь наш уже недалек.
Роскошный июль, до оскомины сладкий июль.
Он слаще всех прежних, не съеденных мною
пирожных.
Кончается жизнь. Ничего изменить невозможно.
Пойду-ка я спать. Я устала. Вот только усну ль?

* * *

Я прошлое примерила, как платье:
неловко, тесно, как-то не по росту.
В конечном счете вовсе не к лицу.
Гляжу назад и не могу понять я,
как лжедрузьям решалась доверять я
и падала в объятия подлецу.
Ты вовремя меня в те годы предал.
Меня иные миновали беды,
и жизнь прошла, как следовало быть.
Я прожила свой век других не хуже.
И не о чем жалеть. Так почему же
я плачу над обносками судьбы?

Мужчина меня, разумеется, любит.
Тому подтверждение роскошный подсолнух,
который, робеючи, как первоклассник,
он дарит мне – будто бы на семена.
Мужчина меня, разумеется, любит.
Тому подтверждение долгие взгляды,
которые он, чуть краснея, отводит,

едва я в ответ поднимаю глаза.
Мужчина меня, разумеется, любит.
Чтоб это понять, не нужны подтверждения.
Но я рядом с ним безнадежно робею,
ни словом ответить ему не могу.
Увы, нам давно безнадежно за сорок.
Робею девчонкой тринадцатилетней,
как будто и не было там, за плечами,
победной и радостной женской судьбы.

Олег Маслов

Стихи Олега Маслова регулярно печатались в нашем альманахе в 1960-е – 1990-е годы. За это же время вышло девять его книжек. А в «Приамурье-98» он впервые выступил не как поэт, а как прозаик, с подборкой «Точка опоры. Невыдуманные врачебные рассказы». Напомним, что Олег Константинович – не только один из первых амурских литераторов, принятых в Союз писателей, но и врач с огромным опытом, кандидат медицинских наук, доцент, основатель анестезиологической службы в Амурской области. Нынче мы публикуем его мемуары – как врачебные, так и туристские. Те и другие невыдуманные. А впрочем, Олег Константинович прав: жизнь порой сама такое выдумает, что только поворачивайся записывать.

Мемуары

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

(Из воспоминаний анестезиолога)

Анестезия, реанимация, интенсивная терапия... - кому нынче неизвестны, непонятны эти слова? Каждый знает, что, если родственник или знакомый попал в «реанимацию», - это означает, что жизнь его в опасности, он нуждается в особых методах лечения, и судьба его в буквальном смысле находится в руках врача, имя которому анестезиолог-реаниматолог. Многие «сердечники» прошли через БИТы (блоки интенсивной терапии), которые вернули их к нормальной жизни. Что до хирургов – то сегодня практически нет такой операции, которую они не смогли бы сделать с помощью анестезиолога.

Но так было не всегда. Не в стародавнем прошлом – всего сорок пять лет назад, заканчивая институт, я таких слов, как «реанимация» и «интенсивная терапия», не знал. Но как раз в пору начала своей врачебной деятельности мне и довелось сделать первые шаги в освоении и внедрении новых методов анестезии, реанимации и интенсивной терапии в практическое здравоохранение Приамурья.

Хорошо, когда твоя человеческая молодость совпадает с молодостью дела, которое становится главным в твоей жизни. У обоих – все впереди, все внове, все загадочно и интересно. И теперь, когда много-много лет спустя видишь, что все твои старания, включая родовые муки и болезни роста, не ушли в песок, а попали в благодатную почву и дали зрелые плоды, хочется и самому вспомнить, и другим рассказать, как все это начиналось.

Почти все, о чем рассказано в этих мемуарных очерках, в свое время было мною описано и опубликовано в центральных и местных медицинских изданиях в виде научных статей и случаев из врачебной практики. Но там – только сухая информа-

ция, представляющая чисто профессиональный интерес. Здесь же я ставил целью рассказать читателю, как, кем и при каких обстоятельствах совершались наиболее запомнившиеся мне события того начального, поистине романтического периода в становлении нашей специальности, и самому еще раз окунуться в то золотое время теперь уже сбывшихся юношеских мечтаний и надежд.

Первая победа

В то утро я замешкался в операционном блоке и вошел в кабинет главного врача для сдачи дежурства тогда, когда уже начали отчитываться терапевты. Обычно Марина Васильевна хирургов и анестезиологов отпускала первыми, поскольку они всегда спешат в операционную, но теперь пришлось ждать, пока отчитаются все. Поглядывая на часы, я не очень вникал в смысл того, о чем говорили коллеги из соседнего корпуса, как вдруг невольно меня задело за живое сообщение дежурного врача о том, что в нервном отделении не сегодня-завтра умрет больной П. – от прогрессирующего паралича, который, обездвижив руки и ноги, добрался уже и до его дыхательных мышц.

Мой интерес к этому больному вначале удивил невропатологов, поскольку они относили меня к хирургической касте и до сего времени наши пути нигде не пересекались. Но когда я напомнил им еще свежую в памяти, облетевшую весь мир историю с академиком Ландау, который после автодорожной травмы месяц находился на аппаратном дыхании, и когда сказал, что мы недавно получили два автоматических респиратора, способных заменить естественное дыхание человека на длительное время, они, еще не в силах представить реальное свершение